

ограждений – не в механическом препятствии, ими представляемом, а в символическом ознаменовании священной неприкосновенности собственности. Чтобы завладеть полем какой-либо семьи, надо было опрокинуть или переместить межевой столб. Водруженный на земле терм, стал домашним предметом культа (от лат. *religio, onis* священный предмет). Нарушить этот символ разграничения означало начало вражды с ближним своим. Такое святотатство было ужасно, и кара за него – сурова. Древний римский закон гласил: «Если кто задел Терм лемехом сохи, то сам он и его быки да будут посвящены подземным богам» – *qui terminum exarasset, et ipsum boves sacros esse*, а это значит, что виновный и его быки должны быть во искупление их вины убиты.

Из предметного зримого пространства термин переходит в социальное пространство, в котором действует все тот же закон границы, присутствующий в библейских Десяти заповедях, регулирующих взаимоотношения между людьми. Он указывает на запрет действий по нарушению границ собственности жизни («не убей») во всех ее формах: семейной («почитай отца твоего и мать твою», «не прелюбодействуй»), общественной («не кради», «не произноси ложного свидетельства», «не желай того, что есть у ближнего»). Следствием нарушения границ является проклятие (смерть безвременная, болезни, нищета, духовная слепота и пр.), распространяющееся на весь род.

В научную речь термин был введен Аристотелем, который происходил из врачебной семьи. Термином он обозначил суждение о чем-либо, включающее подлежащее и сказуемое (кость есть..., или болезнь есть...). Таким образом, термин задает направление мысли, устанавливающей причинно-следственную связь между предметом и явлением, причиной болезни и ее проявлением.

Термины существуют не просто в языке, а в составе определенной терминологии. Если в общем языке слово может быть многозначным, то, попадая в определенную терминологию, оно приобретает *однозначность* за счет специализации области научного познания и ограничения ею. Существование термина в рамках специальной терминологии сочетается с окружающими словами (согласованными и несогласованными определениями). Поскольку терминология опирается на интеллектуальную часть слова, то экспрессия ей не свойственна. Поэтому, например, такие слова-термины, как язычок (*lingula*), тельце (*corpusculum*), косточка (*ossiculum*), кожа (*cuticula*), корешок (*radicula*) и др., заключающие в себе уменьшительные суффиксы, помогающие в общем языке создать уменьшительно-ласкательное слово, отграничены от *экспрессии* в терминологии.

Чтобы быть действительным членом терминологии, термин должен быть удобным для образования производных терминов, создающих осмысленную семью терминов. Например, термин *arthron* (сустав) при суффиксальном способе образования производит *arthritis* (воспаление сустава), *arthrosis* (заболевание сустава) и др.

Есть еще одно качество, существенное для терминов. Это их *международность*. Общность в однозначном понимании терминологии, даже при различном звуковом и грамматическом оформлении терминов в каждом отдельном языке, дает предпосылку понимания смысла иноязычного медицинского текста.

Формирование медицинской терминологии включает основные способы: метафорический, метонимический и мифологический.

Метафорический: метафора (от греч. *metaphora* «перенос») – употребление этого способа восходит к идеям Аристотеля, понимавшим ее как сокращенное сравнение, из которого исключено указание на общий признак сравниваемых объектов. В ходе своего развития эта теория была уточнена: метафора возникает только на базе образных сравнений.

Древнегреческие врачи применяли, в основном, метафорический способ образования медицинских терминов. Они пользовались словами, обозначающими предметы или явления окружающей действительности для введения новых